

Отзыв официального оппонента
о диссертации Марины Валентиновны Васюковой
«ХУДОЖЕСТВЕННО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОТИВНОЙ
СТРУКТУРЫ РОМАНОВ Л.Е.УЛИЦКОЙ 2010-х ГОДОВ»,
представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Современная отечественная проза представляет собой значимое и перспективное для изучения художественное явление, востребованное критиками и отмеченное премиями, популярное у читателей, важное для понимания закономерностей литературного процесса, взаимодействия с традициями русской классической культуры и развития ее аксиологического наследия. Людмила Улицкая – яркая представительница так называемой русской «женской прозы» – условно выделяемого тематического направления в современной литературе, подчеркивающего интерес отечественной словесности к проблемам института семьи (и жанру «семейного и семейно-бытового романа»), поколенческой истории и «истории повседневности» XX века («роман-хроника»), к духовно-нравственным поискам смысла существования частного человека в трагические, переломные моменты прошлого столетия. Творчество писательницы неоднократно становилось предметом как литературно-критической, так и литературоведческой рецепции, но наибольшее внимание привлекали ее ранние произведения, принесшие ей широкое признание и переводы на европейские языки.

В художественном мире Улицкой находят свое воплощение ведущие литературные тенденции современности: обновление реализма, мифологизация повествования, использование системы аллюзий и реминисценций, создание разветвленной мотивной структуры для символизации и расширения семантического пространства текста,

размышления над проблемами праведности и морально-нравственными запросами социума. Вообще, идея потребности в праведности для современного безрелигиозного сознания звучит особенно остро в прозе первой четверти XXI века: здесь следует упомянуть произведения А.В. Иванова, Е.Г. Водолазкина, О.А. Николаевой, «Казус Кукоцкого» и «Даниэля Штайна, переводчика» самой Улицкой. Продолжают данный ряд и анализируемые в диссертации романы «Зеленый шатер» и «Лестница Якова».

Не менее значим для современного литературного процесса и исторический дискурс – одно из наиболее продуктивно эволюционирующих направлений в прозе, посвященных осмыслению как далекого, так и недавнего советского прошлого. Оба исследуемых романа Улицкой представляют собой модификации исторического повествования и по этому признаку вписываются в очень широкий литературный контекст: от Захара Прилепина до Леонида Юзефовича.

Актуальность представляемой работы обусловлена методологическим ракурсом исследования – мифопоэтическим, мотивным, структурным анализом художественных текстов, позволяющим сделать значимые наблюдения и выводы об аксиологическом потенциале новейшей прозы Улицкой. Мы можем приветствовать обращение к указанным видам анализа, активно применяемым современной гуманитарной наукой. В работе раскрыты многообразные художественные приемы перевода конкретно-исторического повествования в символический и притчевый план, что приводит диссертантку к принципиальным заключениям об общих путях развития современной литературы, возвращающейся к морально-нравственным постулатам русской культуры предшествующих веков.

Новизна работы определяется, тем самым, и избранным методологическим подходом, и самим материалом исследования, обращающегося к двум последним по времени написания романам Л.Е. Улицкой. В работе впервые определены ключевые бинарные мотивы, организующие художественное пространство романов, задающие их

формально-содержательные координаты, выявлена мотивная и мифопоэтическая структура романов, характерная для современного неореалистического нарратива и свидетельствующая о существенной трансформации жанра исторического и семейно-бытового романа в новейшей отечественной литературе.

Первую главу работы «Художественные приемы воплощения социально-философских мотивов в романах Л.Е. Улицкой 2010-х годов (иронический подтекст и символическая детализация)» открывает теоретико-методологическое обоснование используемых в диссертации понятий и терминов, интерпретируются ключевые для работы дефиниции «мотив», «лейтмотив», «мотивная структура» («Под мотивной структурой произведения в настоящем исследовании мы понимаем важный архетипический конструкт, определяющий главную идею произведения, в который входят сюжет и система образов, скрепленные системой основных мотивов и лейтмотивов» С. 20). Доказывается прямая художественная связь между мотивной и мифопоэтической системами романов Улицкой 2010-х годов: «В романах Л.Е. Улицкой 2010-х годов в мотивную структуру входят социально-философские мотивы и лейтмотивы, которые воплощаются с помощью иронического подтекста и символических деталей, а также неомифологическая мотивная составляющая...» (С. 20). Нам представляется принципиально важным то, что диссертант осознает эту взаимосвязь и старается последовательно ее проследить, поскольку, с нашей точки зрения, мифологизация и символизация повествования не только пронизывают все уровни поэтики текста, но и участвуют в создании особой художественной атмосферы притчи, свойственной рассматриваемым романам (в частности, «Лестница Якова» характеризуется в издательской аннотации как «роман-притча»).

Диссертантка кропотливо систематизирует обилие разноречивых определений, связанных с рецепцией мифа в литературе. В работе прокомментированы такие современные дефиниции, как мифопоэтика,

литературный миф, авторский миф, неомиф, мономиф. Мы принципиально согласны с той семантикой понятия «мифопоэтика», которая положена в основу исследования. С этой точки зрения нам не очень понятны мотивы М. Васюковой, заставившие ее упомянуть о принципах «мифореставрации», заявленных в работах С.М. Телегина (С. 22), поскольку очевидно, что художественные механизмы функционирования мифа в романах Улицкой совсем иного свойства. С полным правом диссертантка из приведенного выше ряда выбирает термин «мономиф» для обозначения авторских творческих вариаций мифологических образов, мотивов, оппозиций: «Мономиф отличается от мифа тем, что последний является продуктом массовой культуры, а в мономифе присутствует индивидуальное эмоционально-ассоциативное начало и творческое мировидение. Мономиф рождается на основе мифа через интертекстуальность и включает образную и коммуникативно-значимую информацию (прагматическую, внутрисистемную и этимологическую)» (С. 26).

Нам кажется крайне интересной подмеченная в работе особенность мифопоэтического мышления Л. Улицкой: использование бинарных оппозиций («антиномическая бинарность мотивов» С. 29), которое является одним из универсальных для человеческой культуры в целом принципов моделирования картины мира. Для нас представляется несомненным, что предпринятое в работе рассмотрение бинарных оппозиций «детскость» // «имаго», «бегство» // «противостояние», «тотемное» // «анти тотемное», диалектика языческих и христианских мотивов – указывает на фундаментальность зависимости мотивной структуры романов от мифопоэтических установок, свойственных еще отечественному неореализму XX века, а в новейшей литературе ставших одним из признаков обновления реалистической поэтики.

По наблюдениям диссертантки, категория «взрослости» имеет в рассматриваемых романах скорее отрицательную реализацию, поскольку не только большинство героев произведений, но и весь советский социум

характеризуется писательницей как «детский», «инфантильный», то есть, отказывающийся взрослеть, принимать на себя ответственность за собственную жизнь и поступки: «Повествователь и главные герои романа «Зеленый шатер», придерживаясь биологической теории взросления, утверждают, что <...> и вся «страна детская», «детский сад» какой-то (Илья, профессор Винберг, его жена и другие)» (С. 37). Для обозначения этой волевой взрослости Улицкой используется биологический термин «имаго», который ассоциативно связан со способом и осмыслением самоубийства Михея Меламида – он выбрасывается из окна и сравнивается писательницей с бабочкой, вырывающейся из кокона. (Думается, здесь для Улицкой приоритетен не христианский запрет на самоубийство, а античная символика бабочки-души, обретающей свободу, – мотив, мифопоэтизированный еще в набоковском «Приглашении на казнь»).

«Взрослости», соединяющей в себе темы ответственности, свободы и – гибельности, по мнению М. Васюковой, противостоят положительные смыслы категории «детскости», возводимые диссертанткой к евангельскому завету «будьте как дети», к «евангельской детскости». Нам представляется очень ценным установление в работе преемственности между образом Михея Меламида и героями романов Ф.М. Достоевского, в частности, князя Мышкина. Вообще, Л. Улицкая тяготеет к созданию персонажей, относимых к разряду «несвятых святых», «мирских праведников»: таковы были прежде ее Медея и Даниэль Штайн, и, как верно установила диссертантка, в романах 2010-х годов Михей Меламед в «Зеленом шатре» и Яков Осецкий в «Лестнице Якова» («...проецирование образа Михи (как обладателя свойств детскости) на образ князя Мышкина Ф.М. Достоевского, а Якова Осецкого на новый тип «праведника». Оба протагониста оценивают себя и людей по законам совести, верности и мужской чести, считают главным в человеке сочувствие и жалость к ближнему» С. 47). С нашей точки зрения, значимо и то, что благодаря проведенному исследованию уточняются магистральные проблемы и типажи в творчестве Л.Улицкой, доминантные для ее

художественного мира поиски праведности и аксиологических основ бытия, а также – наследование ею традиций русской литературы XIX века в изображении повседневной святости и трагедии столкновения святости с жестоким и отвергающим духовные законы миром.

Еще одна линия преемственности по отношению к классической литературе в исследуемых романах Улицкой – специфика авторской иронии, балансирующей на грани с подлинным драматизмом («переход иронико-комического в драматическое» С. 61). Вероятно, в этом фрагменте исследования ощущается отсутствие ссылок на работы М.М. Бахтина, но, в целом, мы должны отметить, что абмивалентность иронического осмысления действительности становится для Улицкой формой осуждения советских реалий (ироничны ее описания реакции на смерть Сталина), советской бюрократии и атмосферы тотальной слежки и предательства («инвективная ирония» (С. 65)), но, с другой стороны, «мягкая ирония», используемая для обрисовки «жертв эпохи», придает им человечность, заставляет читателя сопереживать этим «маленьким людям», скорее трогательным, чем жалким. Тем самым, ирония у писательницы обретает ценностное измерение, пробуждая «чувства добрые» в отношении не способных к «героизму» и «борьбе» и гонимых за это временем персонажей.

Во второй главе работы «Авторская неомифопоэтическая модель мира в романах Л.Е. Улицкой 2010-х годов» сформулированы основные направления творческого преобразования писательницей мифологического материала – ключевые приемы создания авторского неомифа в исследуемых романах. Как справедливо отмечает диссертантка, мифологическая база в произведениях Улицкой крайне разнообразна: в тексте можно найти элементы античной и христианской мифологии, реликты языческих верований, средневековых сказаний и других «вторичных культурных мифов». При этом подчеркнем: М. Васюкова доказывает системность трансформации исходных мифологических единиц писательницей, создание

ею собственного неомифа о преодолении «хтонических», разрушительных свойств человеческой природы через любовь и самопожертвование.

С этой точки зрения интересен представленный в работе анализ хтонических мотивов в романистике Л.Е. Улицкой 2010-х годов. По наблюдениям диссертантки, хтоническая символика представляет собой рецепцию античных мотивов лабиринта из мифа о Тесее и Ариадне, путешествия в Аид, антитезу которым составляет образ «Зеленого шатра» как модели рая и будущего воскресения. Обратим внимание, что у Улицкой даже пространственно и геометрически лабиринт как замкнутое «темное» место противопоставлен шатру как светлому соборному единству живых и воскрешенных, что подтверждает тезис о бинарности мифопоэтической мотивной структуры прозы Улицкой.

Бинарность на аксиологическом уровне определяет специфику и зоомотивов в рассматриваемых текстах. М. Васюкова показала, что многообразные зверообразы, отсылки к сказкам, мифам, народным обрядам у биолога Улицкой подчинены общей идее подобия человеческого и животного миров, близкой своего рода фольклорному «психологическому параллелизму», которую диссертантка характеризует следующим образом: «Неомифологические мотивы включают у Людмилы Улицкой особую бинарную тотемную / антитотемную зоосимволику, то есть отражают почитание животного и его травестирирование в более поздние времена, когда вера сменилась антропоморфизмом» (С. 124). Мифопоэтика зоомотивов не только коррелирует с амбивалентной человеческой природой (преданность собаки / униженность шавки, чистота лебедя / хищность гарпии и т.д.), но и позволяет через зоосравнение более полно раскрыть героя, вызвать к ним сочувствие или уважение (роль зоомотивов зайца / кролика в обрисовке фигуры «слабака» Дулина).

Обобщающий характер носит последний параграф этой главы «Бинарная оппозиция «любовь – ненависть» как сквозной мифопоэтический лейтмотив романов Л.Е. Улицкой 2010-х годов»: в нем подводятся итоги

мифопоэтического анализа романов в их связи с реализацией аксиологической концепции писательницы. Любовь в рассматриваемых романах становится и многозначным символом многомерности бытия, и центром мифопоэтической системы, и ценностным ориентиром для героев и читателей. Поддержим М. Васюкову в ее обращении к философским трудам о. Павла Флоренского, раскрывшего уровни семантики понятия «любовь»: от античного эроса до христианской агапэ, – идеи религиозного философа помогают диссертантке выстроить художественно-аксиологическую систему мифопоэтики поздних романов Улицкой. Писательница, варьируя античные, фольклорные, христианские мотивы и символы, ведет своих героев от любви-страсти к любви-самопожертвованию, что, безусловно, указывают на глубинную связь мировоззрения Улицкой с классической русской культурой: «...мифопоэтический бинарный мотив «любовь – ненависть» строится в этих произведениях двояким образом. С одной стороны, Л.Е. Улицкая обращается к известным античным образам и героям, которых переосмысливает в соответствии со своими представлениями, творя новый литературный миф. С другой стороны, аллюзии на литературных героев русских писателей тоже мифопоэтизируются ею и переплетаются с древней мифопоэтикой» (С. 163).

Разделяя предложенную М. Васюковой концепцию, ее наблюдения и выводы, мы, тем не менее, не можем не указать на ряд недочетов, содержащихся в работе. Сразу оговоримся: они не носят принципиального характера и не влияют на общую положительную оценку исследования. Прежде всего, упомянем о явной опечатке на с. 114: «В спектакле по знаменитой повести Н.С. Лескова Тенгиз и Нора подчеркивают, что героиня (Катерина Измайловна), как древнегреческая Макбет, совершает языческие кровавые жертвоприношения, которые делает из-за своей любовной страсти, чтобы отомстить возлюбленному». Думается, здесь речь идет о древнегреческой Медее (иначе диссертантке необходимо пояснить свою мысль).

Далее, определенное недоумение вызывает формулировка, связанная с трактовкой мотива бегства. Диссертантка пишет: «В начале XX века проблема бегства как противостояния несогласных с режимом стала одной из насущных проблем российского общества, которая вновь актуализировалась в последней трети этого столетия» (С. 72). Неужели мотив бегства, носящий, с нашей точки зрения, не только политический, но и экзистенциальный характер, может быть объяснен именно как «противостояние несогласных с режимом»? Не обедняет ли подобный подход символическую семантику романов, так прекрасно проанализированную диссертанткой?

И последнее: в диссертации указано, что «в творчестве Людмилы Улицкой необходимо выделить три типа любви, от которых зависит прочность семейных отношений: любовь – страсть, которая ведет к разрушению семьи; любовь «небесно-земная», которая ведет к балансирующей системе семейных отношений; идеальная «небесная» любовь, несущая «душевное согласие», выстроенная на традиционных ценностях, обеспечивающая прочность семейных связей» (С. 180). С такой градацией мы согласны целиком и полностью, но мы не видим в романах достойных примеров «прочности семейных связей», обеспеченных жертвенной любовью: распадается семейные союзы Осецких и Меламидов, хотя Михею и Якову свойствен именно жертвенный тип любви, несчастная и одинока Нора, любовь ее матери Амалии и Андрея Ивановича носит «детский», а не жертвенный характер. В целом, думается, корректнее было бы говорить о семейной жертвенной любви как о недостижимом авторском идеале, а не как о состоявшемся художественном факте.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать: перед нами – целостное, научно состоятельное, новаторское и актуальное исследование. Его положения и выводы надлежащим образом апробированы на международном (Армения, г. Ереван) и региональном (г. Тамбов) уровнях и в 14 публикациях, в том числе в 6 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, публикации и автореферат отражают основное содержание работы.

Мы имеем все основания утверждать, что диссертационное исследование «Художественно-аксиологическое содержание мотивной структуры романов Л.Е. Улицкой 2010-х годов» является научно-квалификационной работой, соответствует необходимым квалификационным признакам, определенным п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, **Васюкова Марина Валентиновна**, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01–русская литература, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

Солдаткина Янина Викторовна

Солдаткина Янина Викторовна
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Тел. 8-499-2465712
E-mail: yav.soldatkina@mpgu.edu
<http://www.mpgu.edu/>

